

Субъект первого лица в ингерманландском финском языке в сопоставлении с русским¹

Буденная Е. В.

НИУ ВШЭ / Институт языкознания РАН

jane.sdrv@gmail.com

В ингерманландском финском языке (север и запад современной Ленинградской области) личные местоимения 1-го лица по умолчанию употребляются, хотя модель с опущением местоимения также возможна (в этом случае референциальным показателем являются глагольные аффиксы), см. пример (1). Подобная модель имеет параллель в современном русском языке [Grenoble 2001; Zdorenko 2010], а также в двух других малых прибалтийско-финских языках, ижорском и водском [Буденная 2019], однако не вполне соответствует стандартному финскому, где в письменном языке местоимения 1-го и 2-го лиц преимущественно опускаются (*Laulan* 'Я пою' vs *Hän / *Ø_{pro} laulaa* 'Он (а) поет') [Holmberg 2005], а в разговорном, наоборот, опущение местоимений намного более маркировано, чем в ингерманландском финском [Vainikka and Levy 1999; Duvallon, Chalvin 2004]. По всей вероятности, ингерманландская модель образовалась в результате длительного контакта с русским языком.

Тем не менее между языками встретилось существенное различие, касающееся претеритных клауз с субъектом 1-го лица: в ингерманландском финском языке в этих случаях местоимение опускалось намного чаще, чем в русском (данные 6 рассказов ингерманландского писателя В. Вальякки, 93 релевантные клаузы, говор прихода Лииссиля; в сопоставлении с данными русского корпуса «Веселые истории из жизни» [<http://spokencorpora.ru/showcorpus.py?dir=02funny>], содержащим 353 вхождения с релевантной моделью, χ -квадрат, p -value < 0.01). На первый взгляд, данное различие может объясняться дифференцированной личной флексией, присутствующей в ингерманландском финском претерите и не сохраненной в русском, ср. пример (2) и его русский перевод. Тем не менее сравнение данных В. Вальякки с данными устных нарративов, записанных учеными Петрозаводского университета ([Mullonen 2004], говоры приходов Лииссиля, Хиетамяки и Венъйоки, всего 86 релевантных клауз), показывает, что картина несколько сложнее: в длинных устных нарративах информантов личные местоимения 1-го лица употребляются чаще, чем в художественных рассказах Вальякки (65% случаев против 30%, соответственно). В этой связи очевидно, что данные Вальякки не являются отличительной характеристикой ингерманландского финского языка в целом, и особенности употребления личных местоимений 1-го лица в этом языке требуют уточнения.

Сопоставляя данные записанных ингерманландских нарративов с художественными текстами, можно предположить, что доминирование местоименной модели в развернутых устных нарративах объясняется прагматикой ситуации. В этой связи показательно, что схожая асимметрия наблюдается и в русских устных нарративах, где клаузы с эксплицитно выраженным я фигурируют чаще, чем в письменных текстах [Буденная 2020]. Это может объясняться тем, что в контексте ситуации с непосредственным взаимодействием говорящего и адресата, эксплицитно выраженное местоимение зачастую выступает как маркер вежливости и элемент сближения, тогда как последовательное опущение местоимений вносит резкий оттенок [Фужерон, Брейар 2004: 165]. Художественные же тексты Вальякки не ориентированы на непосредственное личное взаимодействие, в силу чего с учетом

¹ Исследование поддержано грантом 17-29-09097 «Типология механизмов взаимодействия русского языка с языками малочисленных народов России»

дифференцированной глагольной флексии субъектное местоимение в них опускается чаще. Таким образом, можно видеть, что в клаузах с субъектом 1-го лица ингерманландский финский язык ориентируется в большей степени на схожие с русским прагматические факторы, а не заимствует модель целиком.

(1) *Miä* / \emptyset _{pro} *ole-n* *tohtori*
1SG быть.PRS-1SG врач
'Я врач'

(2) (*Miä*) *syöt-i-n* *lehm-ii*
1SG кормить-PST-1SG корова-PL.PART
'(Я) покормила коров'

Литература:

Буденная Е. В. Субъект настоящего времени в устных и письменных нарративах. *ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей. Сб. ст. к юбилею В. А. Плунгяна.* / Кибрик А. А., Семенова Кс. П., Сичинава Д. В., Татевосов С. Г., Урманчиева А. Ю. М.: Буки-Веди. С. 648-653

Буденная Е. В. Субъектная референция в ижорском и водском языках: из истории одного заимствования. 2019. *Урало-алтайские исследования* 4(35), 36-52.

Duvallon O., Chalvin A. 2004. La réalisation zéro du pronom sujet de première et de deuxième personne du singulier en finnois et en estonien parlés. *Linguistica Uralica* XL (4), 270-286.

Grenoble L. 2001. Conceptual reference points, pronouns and conversational structure in Russian. *Glossos* 1. Online at: <http://www.seelrc.org/glossos/issues/1/grenoble.pdf>

Holmberg A. 2005. Is there a little pro? Evidence from Finnish. *Linguistic Inquiry* 36 (4), 533-564

Mullonen Maria (toim.). 2004. *Elettiinpä ennen Inkeris. Näytteitä inkerinsuomalaisten murteista.* Petroskoi: Periodika.

Vainikka A., Levy Y. 1999. Empty subjects in Finnish and Hebrew. *Natural Language and Linguistic Theory* 17, 613-671.

Zdorenko T. 2010. Subject omission in Russian: a study of the Russian National Corpus. In Gries S., Wulff S., Davies M. (eds.) *Corpus Linguistics Applications: current studies, new directions*, 119-133.